

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 6

**Санкт-Петербург
2007**

3. Религия и мифология античного мира

И.В. Макаров

Историко-мифологическое предание о возвращении Гераклидов*

Первым событием в анналах спартанской истории было «дорийское переселение», как его называют историки нового времени, или «возвращение Гераклидов», как именовали его сами греки. Как и многие другие греческие племена (но в отличие от афинян или аркадян), спартанцы не считали себя автохтонами. Напротив, они всегда подчеркивали, что их земля принадлежит им по праву завоевания. Начавшись с покорения Пелопоннеса, дорийская экспансия к классической эпохе охватила остров Крит, а также некоторые острова в южной части Эгейского моря, Родос и юго-восточное побережье Малой Азии. Обоснование общих для дорийцев истоков было дано в предании о возвращении Гераклидов.

Основные положения предания

В наиболее полном виде рассказ о возвращении Гераклидов мы встречаем лишь у поздних историков – Диодора (IV, 57-58) и Аполлодора (II, 8, 2-4), которые, по всей видимости, опирались на «Всеобщую историю» Эфора, открывавшуюся с переселения дорийцев. Согласно Диодору, после смерти Геракла его дети (Гераклиды) бежали в Трахин ко двору царя Кеика. Однако микенский правитель Эврисфей, решивший изгнать потомков Гелакла из Эллады, пригрозил Кеику войной, и Гераклиды предпочли отправиться на поиски нового пристанища (Diod. IV, 57, 2-4; Apollod. II, 8, 1; ср. Nekateios FGrH I.30.; Paus. I, 32, 6). Приютить Гераклидов согласились лишь афиняне, поселив их в городке Трикорифе неподалеку от Марафона. Эврисфей, тем не менее, атаковал их и здесь, но был

* Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ «Системный анализ исторической традиции религиозно-мифологической константы древнегреческой культуры» (06-06-80195).

убит Гиллом (Diod. IV, 57, 4-6; Apollod. II, 8, 1; ср. Herod. IX, 27, 2; Thuc. I, 9, 2; Strab. VIII, 6, 19; Paus. I, 32, 6; I, 44, 10).

Аполлодор рассказывает, что после этого Гераклиды решили вернуться в Пелопоннес, однако Дельфийский оракул советовал им дожидаться «третьего плода». Выждав три года, сын Геракла Гилл повел войска на «остров Пелопса», но на Коринфском перешейке был встречен армией Атрея. Договорившись схватиться в битве один на один с царем Тегеи Эхемом, Гилл поставил условием в случае своей победы возвращение Гераклидов в Аргolidу, в случае же поражения пообещал, что Гераклиды удалятся из Пелопоннеса на 100 лет (или 50, согласно Диодору). Гилл был убит Эхемом, и Гераклиды были вынуждены отступить (Apollod. II, 8, 2; Diod. IV, 58, 1-4; ср. Herod. IX, 26, 2-5; Paus. I, 32, 6; I, 44, 10; VIII, 5, 1; VIII, 45, 3; VIII, 53, 10).

Объясняя причины поражения, Аполлодор замечает, что под «плодом» оракул имел в виду «поколение», а не «урожай». Часть Гераклидов вернулась в Трикориф, в то время как другая часть отправилась к Эгимию, правителю дорийцев в Гестиеотиде, у которого они просили обещанной им земли (Diod. IV, 58, 4-6; ср. Strab. IX, 4, 10). Требования Гераклидов восходили к более древнему эпизоду. В войне против фессалийских лапифов дорийцы попросили помощи у Геракла, посулив тому треть земли Гестиеотиды. После того как Геракл помог дорийцам одержать победу, он попросил Эгимия сохранить его часть земли для потомков (Diod. IV, 37, 3-4; Apollod. II, 7, 7).

В третьем поколении после смерти Гилла его правнук Темен вместе с Гераклидами Кресфонтом и Аристодемом собрались в Навпакте на северном побережье Коринфского залива. После того как Аристодем был убит ударом молнии, его дело продолжили сыновья – Эврисфен и Прокл (Apollod. II, 8, 2). Из Навпакта экспедиция пересекла залив и вторглась в Пелопоннес, причем их проводником выступил этолиец Оксил (Paus. X, 38, 10). После изгнания Тисамена, сына Ореста – последнего представителя Атридов – Гераклиды разделили Пелопоннес между собой. Темен взял Аргос, сыновья Аристодема – Лаконию, Кресфонт – Мессению (Diod. VII, 9, 1; Apollod. II, 8, 4; Isocr. Archid. 16-21; Paus. II, 18, 6-7; IV, 3, 3-6).

Версия, рассказанная Диодором и Аполлодором, безусловно, базировалась на более ранних источниках. Само предание было знакомо уже Тиртею в середине VII века («Eunomia», fr.2 Diehl), и, по-видимому, к этому времени было уже широко распространено. Во всяком случае, поэт мог обойтись без дальнейших объяс-

нений, заметив лишь, что спартанцы пришли вместе с Гераклидами из «ветреного Эринея», маленького местечка в Дориде. Тиртей подчеркивает обоснованность притязаний спартанцев на занятую территорию: по его словам, «благодатный остров Пелопса» был дарован сыновьям Геракла самим Зевсом.

Более чем через сто лет после Тиртея Пиндар в десятой Пифийской оде (498 г до н.э.) прославляет Спарту и Фессалию, поскольку они управляются одной и той же династией, восходящей к Гераклу (Рyth X 1 ff). По словам Пиндара, спартанцы пришли из Пинда. Также поэт упоминает имена Гилла, Памфила и Эгимия – предков не только спартанцев, но и аргиев с мессенцами. Все эти племена были «дорийцами», чего не упоминал Тиртей. Тем не менее, в одном из папирусных фрагментов (fr. 19 West) Тиртей говорит о гиллях, диманах и памфиллах – трех изначальных спартанских филах, чьими эпонимами были соответственно Гилл, Димас и Памфил.

У Геродота, мы, наконец, находим связный рассказ о передвижениях дорийцев. Историк подчеркивает, что дорийское племя «много странствовало» (πολυτλάνητον). Во времена царя Девкалеона оно обитало во Фтиотиде (в юго-восточной Фессалии), а затем при Доре, сыне Эллина, у подошвы Оссы и Олимпа, в области под названием Гистиеотида. После дорийцы поселились у Пинда и назывались теперь македнами. Отсюда племя снова переселилось в Дриопиду в Дориде, а затем в Пелопоннес, где и приняло имя дорийцев. Дорида описана Геродотом как метрополия пелопоннесских дорийцев (VIII, 31), а Фукидидом как родина лакедемонян (I, 107, 2). Фукидид так же мимоходом упоминает, что дорийцы были сыновьями Геракла, и заняли Пелопоннес 80 лет спустя после падения Трои.

Спустя полстолетия после Геродота историю о возвращении Гераклидов в Пелопоннес и разделении его на три части рассказывает Исократ, вкладывая ее в уста Архидама (Archid. 16-25). После того как Гераклиды получили оракул искать отцовскую землю, они заключили договор с дорийцами, поклявшись разделить с ними землю, если те признают их своими царями. Сначала было решено, что этой землей должен был быть Аргос: после смерти Эврисфея Гераклиды оставались единственными продолжателями линии Персея. Но потом оказалось, что по праву дарения им принадлежит Лакедемон (Тиндарей таким образом отблагодарил Геракла за восстановление его на троне), а по праву завоевания – Мессения (в свое время Геракл убил царя мессенцев Нелея за то, что тот угнал его скот, правда потом Геракл доверил землю сыну Нелея Несто-

ру). После бесчисленных опасностей и подвигов, которые Архидам опускает, победа была одержана. Завоеванную землю разделили на три части – Аргос, Лакедемон и Мессению. Спартанцы сдержали все клятвы и обеты, в то время как мессенцы убили основателя своего города Кресфонта. Его сыновья в отчаянии обратились к спартанцам за помощью, отдав свою землю в их распоряжение. Таким образом, – заключает Архидам, – у спартанцев есть те же права на Мессению, что и на Лаконию. Они завоевали ее во имя справедливости и с санкции Аполлона.

Данная история интересна неприкрытым пристрастием к Спарте. Четверть века спустя в «Панафинейской речи» (339 г.) Исократ рассказал ту же историю с точностью до наоборот – мол, мессенская земля досталась спартанцам несправедливо: они отняли ее у законного владельца (Panathenaicus 177). В «Архидаме» Исократ мог просто воспользоваться случаем и пересказать одну из известных ему версий. Какой источник снабдил Исократа такими подробностями, определить невозможно (какой-то генеалого-мифологический труд, возможно, Гелланик)¹. Вполне вероятно, что из того же источника почерпнул сведения Платон – в третьей книге «Законов» он также упоминает о первоначальных клятвах дорийцев и нарушении их мессенцами с аргивянами (Legg. III). Кроме того, есть в его свидетельстве и пассаж о разделении земли на три части и постройке трех городов – Аргоса, Мессении и Лакедемона, жители которых поклялись в случае попытки переворота поддержать своих правителей – Темена, Кресфонта и Прокла с Эврисфеном.

Таким образом, к середине IV века предание должно уже было оформиться в основных своих чертах. Однако окончательную версию легенде, по-видимому, придал Эфор, заполняя пробелы и устраняя противоречия. Труд Эфора до нас не дошел, но его части могут быть восстановлены по «Географии» Страбона (Strabo VIII, 5,4). По сообщению Эфора, отцом всех дорийцев (и в частности Памфила и Димаса) был Эгимий. После смерти Геракла он будто бы усыновил его сына Гилла в благодарность за оказанную когда-то помощь. Далее Эфор сообщает о попытке Гилла покорить Пелопоннес, а окончательным его завоевателем делает все же не Аристодема, а Эврисфена и Прокла. После отвоевания Пелопоннеса у Тисамена, сына Ореста, Гераклиды, по словам Эфора, поделили полуостров на три

---

¹ См. подробнее: Tigerstedt E.N. The legend of Sparta in classical antiquity. Stockholm, 1964. Vol. I. P. 32.

части, а Лаконику первые цари спартанцев Эврисфен и Прокл размежевали на шесть частей, создав что-то вроде «вассальных княжеств». Версия Эфора с этого момента становится доминирующей, и именно на нее будут опираться впоследствии Диодор в своей «Исторической Библиотеке» и Аполлодор в «Мифологической Библиотеке».

Структура предания

Таково предание в общих чертах. Попытаемся теперь ответить на главный вопрос: можем ли мы использовать его для реконструкции проникновения в Пелопоннес дорийцев? Прежде чем вычленять историческое ядро, нужно сначала оценить характер самого предания и ход его формирования². Как справедливо заметил Владислав Петрович Бузескул, предание в своем развитии может видоизменяться, утрачивать свой первоначальный смысл, а его основа с течением времени – отходить на задний план или даже совершенно забываться. В этой связи «главная задача исследователя сводится к объяснению самого генезиса саги»³.

Анализ традиции показывает, что она была далеко не однородна. Для начала выделим в предании боковые сюжеты. Таков, например, рассказ об этолийце Оксиле, который становится проводником дорийцев и в награду получает территорию Элиды (Strab. VIII, 3, 30; Paus. V, 3). Ту же роль играет повествование о Гераклиде Алете, которого позже приглашают для управления Коринфом (Diod. VII, 9, 2; Paus. II, 4, 3). Обе истории в структуре предания занимают явно второстепенное место. Вполне логично предположить, что их включение в легенду о переселении позволяло элейцам и жителям Коринфа получить доступ к общедорийскому преданию о заселении Пелопоннеса.

Однако даже основной мотив покорения Пелопоннеса Гераклидами и дорийцами оказывается соединением нескольких традиций⁴. Несмотря на то, что дорийцы часто ассоциируются с Гераклидами, античной традицией они, скорее всего, рассматривались как две

² Обзор различных школ трактовки и анализа мифов см.: М.И. Стеблин-Каменский. Миф. Л., 1976. С. 13 – 14. В.П. Бузескул. Введение в историю Греции. СПб., 2005. С. 49-54.

³ В.П. Бузескул. Введение в историю Греции. СПб., 2005. С. 54.

⁴ Hall J. Ethnic identity in Greek Antiquity. Cambridge, 1997. P. 59-62. Cp. Hall J. Hellenicity. Between Ethnicity and culture. Chicago, 2002. P. 80-82. Malkin I. Myth and territory in the Spartan Mediterranean. Cambridge, 1994. P. 38-43. Koiv M. Ancient Tradition and Early Greek History. The Origins of States in Early-Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003. P. 35-44.

самостоятельные группы – различные даже этнически. Строго говоря, Гераклиды были ахейцами – они возводили свой род к Гераклу, Персею и Зевсу, а их родиной была Арголида, которую должен был бы наследовать Геракл, если бы не происки Геры. Дорийцы же возводили свой род к Эгимию, Дору и Девкалеону, и их родиной была центральная или северо-западная Греция, а не Пелопоннес.

В самом деле, объединение двух групп достигается за счет довольно неуклюжего изобретения: сын Геракла Гилл усыновляется Эгимиеем, сыном Дора. Вместе с тем, Гилл должен был быть убит во время первой, неудавшейся попытки Гераклидов вернуться в Пелопоннес, а собственные сыновья Эгимия – Димас и Памфил – умрут лишь сто лет спустя во время второго похода на Пелопоннес (Strab. IX, 4, 10; Apollod. II, 8, 3)⁵. Возможно, такого рода объединение впервые произошло в поэме «Эгимий», приписываемой то Гесиоду, то Керкопу⁶. Как бы там ни было, оно уже произошло к середине VII века, так как Тиртей упоминает три филы, одна из которых восходила к Гераклидам.

По всей видимости, предание распространилось по Пелопоннесу из единого центра, и этим центром была не Спарта, а Аргос⁷. Во-первых, из трех фигурирующих в предании государств – Аргоса, Мессении и Лакедемона – только царская династия первого получила имя от своего героя-эпонима – Темена. Лаконскими царями были Агиады и Эврипontiды, мессенскими – Эпитиды. Это обстоятельство было подмечено еще в античности. Более того, в историях о возвращении Гераклидов именно имя Темена всегда идет первым. Следует помнить, что Аргос был сильнейшей из дорийских держав Пелопоннеса вплоть до VII века, поэтому обосновывать сложившуюся ситуацию нужно было именно ему. Во-вторых, хотя Гераклиды и разделили между собой Арголиду, Лаконию и Мессению, по праву наследства они имели права лишь на Арголиду. Лакония и Мессения были дарованы Гераклу по праву завоевания (Diod. IV, 33, 5; Isocr.

---

⁵ Таким образом, Гилл становится сводным братом Димаса и Памфила. Поэтому когда спартанского царя Клеомена I отказались пускать в ахейский храм, он мог с полным правом ответить, что он ахеец, а не дориец (Herod. V, 72). Как Гераклид, Клеомен был дорийцем лишь по праву усыновления.

⁶ Tigerstedt E.N. The legend of Sparta in classical antiquity. Stockholm, 1964. Vol. I. P. 31.

⁷ Версию о том, что предание о возвращении Гераклидов, скорее всего, родилось в Арголиде при царе Фидоне, см: Hall J. Ethnic identity... P. 61-62; Tigerstedt E.N. The legend... P. 31.

Archid. 18-19)⁸. В-третьих, линия Геракла находилась в гораздо более разработанном и богатом контексте в Арголиде, где она восходила к Персею и Зевсу, нежели в Лаконии или Мессении. Геракл определенно не дорийский герой. Был ли он фиванским героем или даже богом или панэллинским героем, очевидно, что основателем царских домов Аргоса, Лакедемона и Мессении он стал довольно поздно⁹. Например, эта конструкция противоречит более ранней традиции о происхождении спартанцев, как и всех дорийцев, от Эгимия, сына Дора – эпонима для всей племенной группы.

Происхождение дорийцев в источниках описывается в двух вариантах. В первом случае, их родиной названа Дорида, ассоциировавшаяся с именем «отца» дорийцев – Дора. Другой территорией, с которой ассоциируются дорийцы во время правления сына Дора – Эгимия, является Гистиеотида, около ста километров к северу от Дориды. Ряд исследователей делает вывод о том, что традиция об Эгимии, который не был эпонимом, является позднейшей вставкой. Сыновьями Дора, по этой версии, должны были быть Гилл, Димас и Памфилл (по аналогии с ионийцами). Отсюда делается вывод о том, что рассказ Геродота о миграции дорийцев является рационализацией, пытающейся примирить различные варианты предания о происхождении дорийцев¹⁰. Однако, на наш взгляд, достаточных оснований для столь резкого суждения все-таки нет.

Таким образом, традиция о возвращении Гераклидов, скорее всего, изначально была независима от мифа о происхождении дорийцев. Будучи полезной для обоснования притязаний на царский трон, она после этого распространилась по Пелопоннесу, где получила дальнейшую доработку. Так, два второстепенных сюжета – один о причинах конфликта между Спартой и Мессенией, а другой об основании двойной царской власти, — являются, по-видимому, дальнейшей разработкой предания в Спарте, которая была присоединена к общепелопоннесской традиции о возвращении Гераклидов¹¹. Сильный пропагандистский мотив с общей антимессенской направленностью появляется уже у Тиртея с утверждением дарованности Пелопоннеса спартанцам «свыше» и достигает кульминации у Исократ в эпизоде с убийством мессенцами Крес-

⁸ Tigerstedt E.N. The legend... P. 31; Malkin I. Myth... P. 23.

⁹ Tigerstedt E.N. The legend... P. 34.

¹⁰ Hall J. Ethnic identity... P. 62.

¹¹ См. Tigerstedt E.N. The legend of Sparta in classical antiquity. Stockholm, 1964. Vol. I. P. 34.

фонта¹². Этот сюжет, скорее всего, возник в Спарте для оправдания законности своих притязаний на Мессению. Как мы видим, он известен Тиртею, то есть, скорее всего, был в ходу во время Мессенских войн или сразу после них¹³.

Сюжет о завоевании Пелопоннеса Эврисфеном и Проклом – это типичный пример этиологического мифа (мы видим, что в других версиях достаточно было одного завоевателя – их отца). Очевидно, также не заслуживает доверия и сообщение о мгновенном разделении Пелопоннеса и Лаконии на части. Не может идти речи и о столь раннем формировании государства у спартанцев. Сил их в то время (XI век, согласно традиции) вряд ли было достаточно для подчинения всего населения Лаконии. Как замечает Л.Г. Печатнова, несколько дорийских поселений могли возникнуть в разных местах Лаконии, но вряд ли они уже тогда, в XI-X вв до н.э., составляли сплошную территорию и образовывали единое государство»¹⁴.

Итак, традицию о прибытии дорийцев и возвращении Гераклидов, по всей видимости, следует рассматривать как сложносоставную систему преданий и верований, которые сложились для обоснования происхождения отдельных этнических групп. Традиция об исходе

---

¹² В других версиях вероломным оказывается сам Кресфонт: когда решался вопрос о разделении земли, он обманул своих братьев (Apollod. II 8, 4; Paus. IV, 3, 4-5). Но это не меняет антимессенского содержания легенды.

¹³ Сам миф мог быть не только поводом для начала военных действий, но и ее идеологическим прикрытием. Как показал в интересной работе «Греки и мифология: вера или неверие?» французский исследователь Поль Вен, греки, скорее всего, прекрасно различали истинные причины и причины мифологические. Но мифические заслуги (или провинности — в данном случае) «лишь обозначали и подтверждали соотношения сил, что избавляло от необходимости называть вещи своими именами». Таким образом, язык мифа оказывался своего рода «языком дипломатии», позволявшим соблюсти приличия в межполисных отношениях. Поль Вен приводит в пример спор афинян с тегейцами за почетное место в боевом строю накануне битвы при Платеях (479 г до н.э.). Афины после Саламина были в зените славы. Когда тегейцы объявили о своих правах, «афиняне возразили, что их права не менее древние: Афины уже одерживали победы во времена Гераклидов, войны против Фив и вторжения амазонок; каждый понял, к чему клонятся эти речи, и Афины выиграли спор». — См. Вен П. Греки и мифология. М, 2003. С. 102-105

¹⁴ Печатнова Л.Г. Формирование Спартанского государства. СПб, 1998. С.7.

дорийцев из Эриния, скорее всего, была разработана в Спарте. Предание же о Гераклидах – в Аргосе. Обе были распространены в Пелопоннесе, где они вошли в соприкосновение с мифами о происхождении других этнических групп, которые считали себя пришедшими из-за пределов «острова Пелопса». Итогом серии мифологических ассимиляций стала традиция, которую мы знаем сегодня. Случайно или нет, но когда Геродот и Платон говорили, что дорийцы получили свое имя лишь после заселения Пелопоннеса, они могли быть не так далеки от правды (Herod. I, 56, 3; Plat. Legg. III, 68).

Историчность предания

Сложносоставной характер предания о возвращении Гераклидов тесно связан с возможностью опоры на отдельные его эпизоды в попытке реконструировать по ним т.н. «дорийское нашествие». Мнения здесь разделяются. Так, Тигерштедт прямо заявляет о том, что миф о возвращении Гераклидов был «не народной традицией, а пропагандистской псевдоисторией в форме мифа (возможно, и основанного на народной традиции), который мог быть представлен в поэтической форме»¹⁵. Отсюда шведский исследователь категорически исключает возможность опоры на сфабрикованное, по его мнению, предание для реконструкции реальных исторических процессов. Все совпадения письменных свидетельств с данными археологии и лингвистики он признает случайными. «Миф о возвращении Гераклидов в Пелопоннес можно объяснить лишь в его связи с живой народной традицией о решающем событии в истории дорийцев Пелопоннеса, тогда как все детали следует считать придуманными», – прямо заявляет он¹⁶. Диаметральнo противоположной точки зрения придерживается, например, Хэммонд, при малейшей возможности использующий археологические свидетельства для сохранения доверия к письменным источникам¹⁷.

Однако для попыток реконструкции нет нужды верить всем подробностям предания и рассказам о подвигах потомков Геракла. Действительно, то, что могло быть использовано в практичес-

¹⁵ Tigerstedt E.N. The legend... P. 34-35.

¹⁶ Tiferstedt E.N. The legend... P. 35.

¹⁷ См. Hammond N.G.L. 1) Hammond N.G.L. Desborough V.R. d'A. The end of Mycenaen Civilization and the Dark Age. Cambridge, 1962. The literary tradition for the migrations; 2) 'Prehistoric Epirus and the Dorian Invasion' // BSA. 32 (1934), 131-79. Об историчности предания см. также: Vitalis G. Die Entwicklung der Sage von der Ruckkehr der Herakliden. Greifswald, 1930.

ких целях, наверняка, служило именно для этого. Такую рабочую гипотезу вполне можно принять и стараться отсеивать «практически выгодные» конструкции. Но для чего могли служить описания блужданий предков дорийцев в горных областях Эпира и Македонии? Для прославления этих безвестных территорий? Мы не можем четко определить, откуда черпал подобные географические сведения Геродот. Следовательно, не можем доказательно говорить о пути дорийцев. Но все же подобные сообщения нельзя сбрасывать со счета. В конце концов, то, о чем говорит историк, не так невероятно. В качестве прародины предков дорийцев Геродот называет центральные и северо-западные горные области Греции. Подобный маршрут «дорийцев» не противоречат данным археологии¹⁸.

Сложнее дело обстоит с хронологией. Наш эксперт по хронологии – это Фукидид, который не повторяет никаких положений из предания о Гераклидах. Он как будто принципиально держится в стороне и дает лишь краткое замечание относительно датировки прибытия дорийцев. Вместе с тем, эта датировка, как и большинство дат ранней истории, относительна. Фукидид (I, 12) говорит о прибытии беотийцев в Беотию под давлением пришедших в движение фессалийских племен шестьюдесятью годами позже падения Трои, а о приходе дорийцев на юг Греции – еще двадцатью годами позже. Взяв за условную дату падения Трои год в промежутке от 1230 до 1200¹⁹, несложными арифметическими действиями можно получить дату около конца XII века. Кроме того, Фукидид ссылается, что около 416 года жители Мелоса гордились тем, что их город существовал уже семьсот лет. С учетом того, что Мелос был занят вскоре после завоевания Пелопоннеса, получившаяся дата – в начале XII века. К сожалению, восстановить методы, по которым проводились хронологические расчеты, невозможно, поэтому достоверность столь ранней датировки ос-

---

¹⁸ По крайней мере, любопытна реконструкция Хэммонда, проводящего параллель между миграцией дорийцев и кочевников-влахов, в византийские времена регулярно путешествовавших из Пинда до мыса Матапан (античный Тенар), занимаясь отгонным овцеводством. Hammond N.G.L. Prehistoric Epirus and the Dorian Invasion // B.S.A. 32 (1934), 131-79.

¹⁹ К сожалению, и эта датировка также относительна и рассчитывается при сопоставлении с материалами клинописных текстов, записями египтян о вторжении «народов моря» и т.д. Подробнее, например, у Хэммонда 'The end...' P.48-50.

тается под вопросом²⁰.

Подведем итоги. Предание о «возвращении Гераклидов» формируется довольно рано – в середине VII века оно уже хорошо известно, а потребность в самоопределении должна была возникнуть у аргосцев и спартанцев в процессе формирования их государств как минимум в середине VIII века, а то и раньше. Специальные исследования о передаче устной традиции в бесписьменных обществах показывают, что ее детали могут сохраняться не более ста лет, после чего стираются из народной памяти²¹. Если допустить, что окончательное обоснование дорийцев на месте исторической Спарты произошло в середине X века (с задержкой после обоснования в Арголиде – как на это указывают археологические данные)²², то описываемые события отстоят не так далеко от возможной даты их фиксации. Возобновление у греков алфавитной традиции (а значит, возможности записи важнейших элементов предания), по всей видимости, происходит в IX веке²³. Хотя любые гипотезы о линиях сохранения исторической традиции будут спекулятивны, можно предположить, что такая фиксация могла произойти, например, в государственном архиве спартанцев (на существование такого архива, по крайней мере, в более позднее время

---

²⁰ Так, ей противоречат данные археологии о почти полной депопуляции областей позднейшего «дорийского заселения» — Лаконии, Мессении, Арголиды — после крушения микенской цивилизации. Вплоть до 1050 года население этих областей лишь уменьшается: в начале XI столетия в Арголиде зафиксировано семь поселений, в Мессении шесть, в Лаконии всего одно. См. Андреев Ю.В. Коллапс Микенской цивилизации и варварский мир Центральной Европы // Андреев Ю.В. Раннегреческий полис. СПб, 2003. С 373; См. также для более подробной археологической характеристики периода: Eder V. Argolis, Lakonien, Messenien. Vom Ende der mykenischen Palastzeit bis zur Einwanderung der Dorier. Wien, 1998.

²¹ См., например, Vansina J. Oral tradition as history. Wisconsin, 1985.

²² Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300-362 BC. London, 1979. P. 95.

²³ Отталкиваясь от датировки гексаметрической надписи на т.н. Кубке Нестора (древнейшей из найденных на сегодня — ок. 750 г до н.э.), Э.Д. Фролов приходит к выводу о распространении алфавитной традиции у греков уже в начале IX, а может быть, и X века. См.: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 136; а также его же статью: Греческий полис в отражении древнейших эпиграфических документов // Philologia Classica. Вып. 5. МННМНШ ХАРІН. СПб., 1997. С. 230. Второе издание монографии и вошедшей в нее статьи: Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. СПб, 2004.

указывают Геродот и Павсаний) и локальных хрониках (Фукидид не даром упоминает хроники мелосцев). Часть свидетельств могла быть также сохранена греками-ахейцами, мигрировавшими под давлением новых племен в Малую Азию. В семьях аристократов могли существовать и собственные письменные архивы. Таким образом, дошедшая до нас традиция могла опираться на аутентичные свидетельства. Заметим, что при изучении событий ранней греческой истории быть чрезмерно разборчивым при выборе источников, строго говоря, не приходится. Отбросив традицию как полностью фиктивную, мы лишимся принципиальной схемы, с которой можно было бы сверять далеко не однозначные данные археологии, и будем вынуждены попросту отказаться от изучения всей эпохи темных веков, да и архаики тоже.

Итак, хотя детали предания о «возвращении Гераклидов» могли быть искажены в процессе передачи изустным способом, а потом приспособлены к политическим нуждам, в его основе, по всей видимости, лежит воспоминание о принципиальном событии – миграции нового племенного субстрата с севера. Поэтому традицию о возвращении Гераклидов правильнее называть не чисто мифологической, но историко-мифологической.

I.V. Makarov

The tradition about the return of the Heraclids

The legend about the return of the Heraclids was a starting point of Spartan historiography. The story itself was a rather old one (widespread in the VII century BC already). The core of the legend consisted of two traditions: the return of the Heraclids (apparently born in Argos) and the coming of the Dorians (further developed in Sparta). While traveling throughout Peloponnese the legend assimilated the local myths of origin (like in Corinth or Elis) and acted as an ideological basis during the formation of the city-states in Peloponnese. Though it is impossible to believe the details of the traditions (which could be distorted by oral transition and used for political reasons) it looks like the legend was based on the living memory of the real historical event - migration of the Dorians from the central Greece into Peloponnese.

